

Книжный знак как исторический документ К истории библиофильства в Одессе

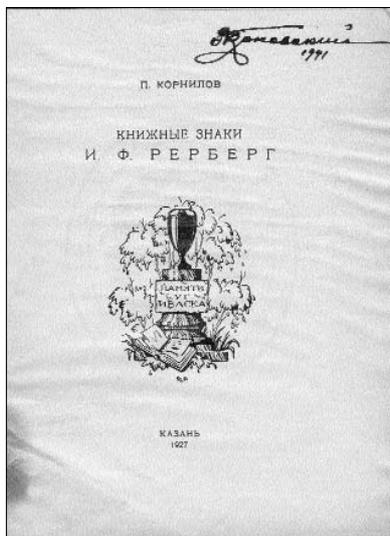
Одесса издавна слыла "книжным" городом. На протяжении двух столетий здесь непрерывно функционировали, возникали и исчезали многие типографии, издательства, книжные магазины, общественные библиотеки, частные собрания. Книжная торговля зарегистрирована уже начиная со второго десятилетия существования города, задолго до начала местного книгопечатания — книги завозились извне, из центра и из-за рубежа. А когда книги продавались и их покупали, появлялись домашние библиотеки... История библиофильства в Одессе еще не написана, но за последние годы немало проделано в этом направлении.

По мере создания домашних библиотек у многих рождалась естественная потребность отметить свои книги знаком собственности: личной росписью, оттиском печати, наклейкой именного ярлыка. Все подобные

свидетельства принадлежности экземпляра книги определенному владельцу, частному или общественному, объединены в современном книговедении под термином "книжные знаки". Основные их виды:

- собственноручная владельческая роспись;
- оттиск печати чернилами или конгревным тиснением;
- наклеенный на книгу ярлык с гербом или надписью (в быту их именуют "эклибрисы", с латинского — "из книг", именно с них началось коллекционирование книжных знаков);
- тиснение фамилии, инициалов, герба на переплете или на корешке книги (так называемые "суперэклибрисы").

Как правило, домашняя библио-

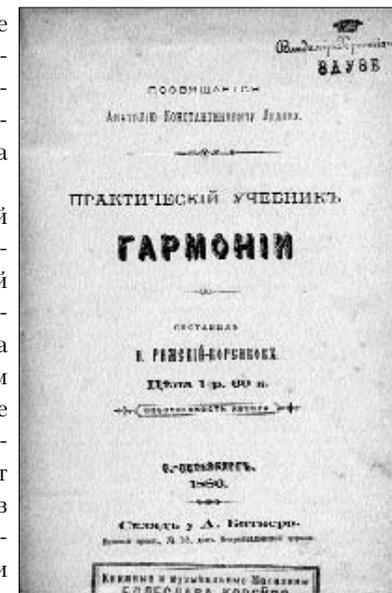
Владельческая роспись на книгах художника П. С. Коновского (1883-1953).

тека прекращала существование со смертью ее собирателя, в редких случаях она сохранялась во втором поколении, как исключение — в третьем. Изредка сам библиофил на склоне лет распродал свои коллекции либо завещал их общественному хранилищу, чаще книги продавали или дарили наследники. В любом случае, собрание как единое целое исчезало, а отдельные экземпляры из него растворялись в книжном море. Ничтожно малое число библиотек сохранилось в целостности как памятники своего времени, самый яркий пример — именные фонды Воронцовых, Строгонова в Одесском университете.

В этой ситуации любой книжный знак, будь то офорт известного художника, скромный типографский ярлык или чернильный оттиск печати, является самым достоверным, а подчас единственным историческим документом, отразившим реальное существование той или иной библиотеки. Именно книжные знаки служат отправной точкой в поисках следов забытых коллекций. Особенно плодотворно знакомство с книжными знаками не в собраниях экслибрисистов, а непосредственно на старых книгах, в первоизданном виде. Бывает, что ярлык наклеен рядом с оттиском печати того же владельца, бытовавшей ранее, пока библиофил еще не созрел для создания собственного экслибриса. Удастся проследить замену одного варианта ярлыка другим, повторение дополнительных тиражей по мере роста собрания. Зачастую рядом с книжным знаком вписаны шифры хранения книг, порядковые номера шкафов и полок, наименование отделов, что раскрывает размер и характер библиотеки. А как интересно обнаружить ярлык, наклеенный по-

Оттиск печати и ярлык художника В. Х. Заузе (1859-1939).

верх другого, оставшегося от предыдущего владельца. Или иначе: ярлык "погашен" последующим оттиском печати какой-либо общественной библиотеки, куда влилось со временем частное собрание. Прослеживается миграция книг внутри города и за его пределами (экземпляры из одесских собраний обнаружены, к примеру, в Петербурге, Воронеже).

Работа над книжными знаками Одессы — дело не одного года и не одного поколения исследователей. По состоянию на сегодняшний день уже удалось узнать имена многих забытых библиофилов, мысленно реконструировать размеры и характер некоторых домашних собраний, проследить судьбы ряда исчезнувших общественных библиотек. Из всей массы книжных знаков полнее всего изучены ярлыки-эклибрисы. Уже достоверно зарегистрировано порядка 80 фамилий их частных владельцев, около 40 общественных библиотек, полтора десятка "кабинетов для чтения" при книжных магазинах. Полный корпус ярлыков, с учетом вариантов, должен насчитывать до 300 номеров. Ну, а оттисков печатей — несоизмеримо больше, каждый день выявляются все новые и новые... Хронологические рамки названных цифр: от возникновения города до середины XX столетия, когда в среде нового поколения книголюбов стало модным заказывать для себя множество разных эклибрисов, предназначенных преимущественно для обмена и утративших связь с книгой.

* * *

Многие из одесских книжных знаков были описаны или репродуцированы в классических отечественных трудах, и любопытно проследить, как постепенно наращивалась в литературе информация. В первой фундаментальной книге В. Верещагина "Русский книжный знак", вышедшей в 1902 году, упомянуты всего три одесские фамилии¹. Через три года в монументальном томе У. Иваска учтено уже 14 книжных знаков одесских собраний, частных и общественных, среди них 13 ярлыков и один оттиск печати². В следующем выпуске этого труда (1910) добавлены еще два³, а в третьем (1918) — четыре знака⁴. В другой работе того же автора, "Частные библиотеки в России" (1911-1912), описаны шесть одесских библиотек, имевших свои книжные знаки⁵.

На первой из послереволюционных выставок книжных знаков в Петрограде в 1919 году среди полутора тысяч экспонатов были представлены 20 одесских (с вариантами — свыше 30), среди них семь ранее не опубликованных⁶. Издание "Книжные знаки русских художников" (1922) рас-

сматривает четыре одесских, но лишь один из них не был еще известен⁷. Три книги В. Адарюкова (1921-1923) содержат вместе девять интересных нас знаков, новы — два из них⁸. Много материалов по Одессе находим в сборниках трудов Ленинградского общества эклибрисистов (1924-1931) — полезные уточнения к ряду старых публикаций и семь новых фамилий⁹. Книга С. Сильванского (1927) сообщает о 20 одесских собраниях (16 ярлыков, 4 оттиска печатей)¹⁰. И, наконец, после многолетнего перерыва появляется капитальный свод Е. Розенбладта (1950-е), который не был издан и распространялся среди коллекционеров машинописным "самиздатом", в нем находим 35 одесских библиотек¹¹.

В общей сложности опубликовано не более трети известных на сегодня одесских книжных знаков, значительное их число остается не введенным в научный оборот.

* * *

С давних времен во всем мире широко распространено коллекционирование книжных знаков. Известны огромные собрания из десятков тысяч экземпляров, изданы сотни книг о них на разных языках, выходят из печати каталоги, журналы и даже специальные энциклопедии. Как правило, экспонаты накапливались в коллекциях в отрыве от книг. Ярлыки прошлых лет — уже склеенные со своего места, современные — не наклеивались вовсе, оттиски печатей — на фрагментах титульных листов, вырезанных из книг. Книжные знаки без книг стали ходовым коллекционным товаром: их продают и покупают, сдают в букинистические магазины, выставляют на аукционы, ими обмениваются. Рисунки их создавали и создают поныне известные художники. Устраиваются выставки, издаются каталоги. С точки зрения книговедения, научная ценность таких экземпляров несоизмеримо ниже, чем у их собратьев, сохранившихся в первозданном виде на родной книге.

Вся отечественная литература о книжных знаках создавалась видными собирателями, начиная с Иваска и Верещагина, и несла на себе следы коллекционного подхода к изучению материала: описывались в основном экземпляры книжных знаков из собственных и других столичных собраний, уже давно изъятые из книг. В результате — ограниченность информации, ошибки в атрибуции, слабое знание "провинциальных" источников. Аналогичное отношение просматривается у некоторых авторов и в попытках систематизации по формальным признакам: "художественные"

Ярлык владельца кожевенного завода, почетного члена Греческого благотворительного общества В.А. Параскева (18??-1911), перекрыт рукописным ярлыком греческой женской школы имени Родоканакис.

знаки, "геральдические", "шрифтовые". От этих же корней проистекает и собрание по модным темам: "пушкинский экслибрис", "образ женщины в экслибрисе" и т. п.

В Одессе на протяжении XIX столетия не замечено интереса к коллекционированию книжных знаков. Самое раннее упоминание находим в статье У. Иваска 1903 года "Список собирателей книжных знаков"¹², где помещены две одесские фамилии: О.Я. Пергамент (1868-1909) и Л.А. Чижиков (1861-1924). Никаких следов их коллекций не сохранилось. Известно лишь, что Чижиков в 1902-1905 годах переписывался с Иваском, обменивался экслибрисами, снабжал его экземплярами одесских знаков и информацией об их владельцах, а Иваск использовал эти данные в своих публикациях.

В 1920-х годах книжными знаками пристально интересовалась заведующая Отделом редких изданий Одесской государственной научной библиотеки (далее — ОГНБ) А.Н. Тюнеева (1888-1984), вела переписку с ведущими столичными книговедами (такими как В. Адариюков, Э. Голлербах, Ю. Меженко, В. Савонько, П. Эттингер), посылала им знаки одесских библиотек и сведения об их владельцах. Вот, к примеру, цитата из ответного письма Эттингера к Тюнеевой: "Очень тронут Вашей любезностью и сердечно благодарю за экслибрисы; все очень желанные и интересные. Если Вы сможете что-нибудь сообщить о Шмидте, т. е. когда он жил и как его звали, то премного обязан; о Березовском есть сведения у Сильванского"¹³. А. Тюнеева имела также небольшую домашнюю коллекцию книжных знаков, где были и одесские (разошлись в 1960-х годах среди местных собирателей). В ее архиве сохранился листок с описанием четырех одесских частных библиотек с их знаками: З. Ашкенази, М.М. Толстого [младшего], Ф. Феохариди, Д. Ширяева¹⁴.

Следующая волна интереса к книжным знакам возникла в Одессе в 1960-х годах: была организована "секция экслибрисистов" в составе мест-

ного отделения Всесоюзного общества филателистов, которая в 1982-м примкнула к Научной секции книги Одесского Дома ученых под названием "Городской клуб экслибриса и книжной графики" (собирался до 1998-го). Из энтузиастов-собирателей следует вспомнить М.Б. Гительмахера (1924-1990), Т.Г. Кузнецову (1907-1991), Б.Я. Левых (1920-1996). Интересовались они преимущественно ярлыками-экслибрисами как произведениями известных художников, но накопили также и некоторое количество старых книжных знаков (особенно Б. Левых). По смерти коллекционеров их собрания рассыпались.

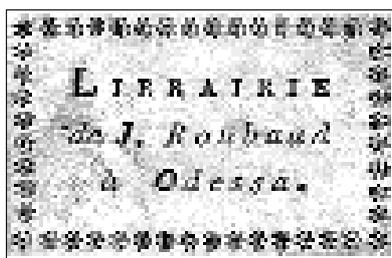
В 1969 году в Одессе прошли одна за другой две выставки книжных знаков и были изданы их каталоги, грешившие большим числом ошибок и опечаток¹⁵. Обе были эклектичны по содержанию, но продемонстрировали довольно много местного материала. Они впервые показали масштабность такой темы, ввели в оборот ряд неизвестных до той поры экземпляров и фамилий, дали толчок к дальнейшим поискам. По следам выставок в прессе появились репортажи, один из них — преимущественно о старых одесских знаках¹⁶. С той поры среди краеведов возник стойкий интерес к истории библиофильства в родном городе.

К 1980-м годам пропагандой современного советского экслибриса увлекся М. Гительмахер: устраивал выставки в клубах и магазинах, выступал с обзорами, напечатал в газетах множество статей. Б. Левых поместил с десяток биографий своих друзей-художников, работавших над рисунками ярлыков, в престижной португальской энциклопедии "искусства экслибриса"¹⁷. Ему же принадлежат две популярные газетные статьи под одинаковым названием "Старинный одесский экслибрис"¹⁸. В "Альманхе библиофила" опубликована обстоятельная работа сотрудников научной библиотеки Одесского университета П. Бондаренко и В. Фельдмана, посвященная одной из самых знаменитых одесских библиотек прошлого — семьи Воронцовых¹⁹.

В 1990-х годах выполнено несколько монографических исследований о книжных собраниях и знаках отдельных одесских библиофилов: Ф. Феохариди²⁰, А. Тюнеевой²¹, Г. Маразли²², И. Вульфа²³, М. Комарова²⁴, П. Коновского²⁵, семьи Толстых²⁶, Н. Вусковича²⁷, Н.В. и Б.Н. Эрдели (в печати).

* * *

К числу самых ранних одесских книжных знаков можно отнести ярлыки Ф. Буавена, П. Розумовского, М.Д. Толстого, а также ярлычок книжной

Ярлык книжной лавки И.М. Рубо
(до лета 1828).

лавки И. Рубо, которую, по предположению историков, мог посещать А. Пушкин. Очевидно, первые библиотеки начинали комплектоваться их владельцами за пределами города и были привезены сюда уже вместе со своими книжными знаками.

В течение XIX столетия в Одессе сформировалось несколько грандиозных дворянских библиотек с родовыми гербами на печатях, ярлыках, су-

перэкслибрисах: семьи Воронцовых, И. Куриса, П. Розумовского, А. Строгонова, трех поколений Толстых, отца и сына Эрдели. Рядом с ними в городе бытовало множество сравнительно небольших книжных собраний купечества и разночинной интеллигенции, для которых характерны оттиски печатей и непритязательные ярлыки с фамилией владельца в незатейливой виньетке. К концу столетия число известных нам книжных знаков, а значит и самих библиотек, неуклонно нарастает.

Тексты на книжных знаках отражают многонациональный состав местного общества: не только на русском языке, но зачастую и на французском, немецком, польском, греческом, по-латыни, реже на украинском (М. Комаров), английском (J. Yeames), еврейском (Д. Вигодский). Некоторые печати на книгах раскрывают профессию владельца: "Докторъ М.С. Маргулисъ" — в качестве книжного знака использовались врачебные печати для аптечных рецептов.

Лишь считанные из собраний XIX столетия дошли до наших дней в более-менее первозданном виде, с небольшими утратами, оказавшись в главных научных хранилищах города — университетской и публичной (ныне ОГНБ) библиотеках. В университете они продолжают существовать в виде отдельных именных фондов. В ОГНБ несколько таких огромных книжных массивов поначалу растворились в общем многомиллионном фонде, но впоследствии, уже в наши дни, их удалось реконструировать благодаря наличию на книгах печатей, ярлыков, владельческих росписей (Г. Маразли, семьи Толстых, Я. Новикова, М. Комарова). Иные же крупные библиотеки старой Одессы, судя по их книжным знакам, оказались раздробленными по разным местам или были выплеснуты на книжный рынок (З. Ашкенази, И. Вульфа, А. Розена).

Большинство домашних библиотек исчезло почти бесследно. Даже из

самых знаменитых — П. Розумовского, И. Куриса, Н. Эрдели — осталось на поверхности всего по две-три книги. О существовании других, менее именитых библиофилов, известно исключительно благодаря их книжным знакам, и нет никаких источников для суждения о составе и размерах таких собраний. Но бывает и еще худшая ситуация: в Одессе не обнаружено ни одной книги, которая принадлежала бы когда-то В. Головину, Л. Криона П. Никола, Н. Тройницкому... Их ярлыки сохранились только в коллекциях экслибрисистов, потеряли связь с книгой. А четыре варианта книжных знаков И. Дариенкова начала XIX столетия, известные по публикации У. Иваска (1905), вовсе отсутствуют в Одессе, хотя бы вне книг.

"Повезло" в этом смысле библиотеке И. Вульфа (18??-1914). Совершенно уникален набор ее ярлыков на все буквы русского алфавита, случай единственный во всей истории книжного знака. Кстати, А. Сильванский, сообщивший впервые о таком ярлыке в 1927 году, описал лишь один вариант с буквой "Р", так и не поняв ее назначения. Множество книг с наклейками красного цвета рассеяны по всем одесским хранилищам, а разные буквы и инвентарные номера рядом с ними позволяют мысленно восстановить масштабы и содержание коллекции (порядка 5-8 тысяч томов).

Иные из книжных знаков, не публиковавшихся ранее, удается привязать к Одессе по косвенным признакам. Так, ярлык с текстом "Домашняя библиотека Юлія Марковича Койре" был обнаружен в одесском букинистическом магазине в 1970-х годах на переплете книги стихов А.Н. Плещеева. Рядом оказался ярлычок одесской переплетной мастерской и вторичная владельческая надпись "Из книг А. Борисова, 1920 г., Одесса". Очевидно, книга все время находилась в Одессе. В списках студентов юридического факультета Новороссийского (в Одессе) университета встретился некто Койре Юдко Мееров, родившийся в Одессе в 1872 году. А в газете "Одесский листок" за 1900 год промелькнуло траурное извещение о безвременной смерти того же, очевидно, Юлия Марковича Койре. Судя по редкости ярлыка (известен в единственном экземпляре) и невысокому порядковому номеру на нем, молодой юрист не успел обзавестись значительным книжным собранием.

Нельзя не вспомнить о существовании самодельных рукописных ярлыков, заблаговременно заготовленных по образцу типографских, наклеенных на книгу традиционным образом. Известно их несколько, например — с безымянными инициалами "Е. З.", с дополнительными надписями "Kunst" [Искусство], "1909", "Одесса".

Упомянем еще о загадочном оттиске печати 1910-х годов, сравнитель-

Оттиск печати неизвестного библиофила
1910-х г.

но часто встречавшимся в Одессе на лучших изданиях тех лет по искусству и книговедению (например, на номерах журнала "Русский библиофил"). На печати вырезаны баронская корона, шестиконечная звезда и трудно читаемая монограмма. На двух книгах из этого собрания кроме оттисков печати оказались также кожаные наклейки на корешках с тисненными инициалами "Н. Р.", буквы можно трактовать и как русские, и как латинские. Печать вырезана очень тщательно, тонкими линиями (видимо — на стали). Оттиски поставлены всегда черными чернилами, аккуратно, на оборотной стороне титульных листов. Перед нами остатки неизвестной, явно библиофильской, коллекции.

* * *

К концу XIX столетия у ряда владельцев книжных собраний появляется потребность украсить свой книжный знак, рождаются "художественные" ярлыки. Поначалу их заказывали в европейских центрах у модных в то время художников-эскибрисистов: в Регенсбурге (О. Пергамент), Вене (Л. Чижиков), Риге (А. Енни), Берлине (Э. Ринк-Вагнер), Париже (А. Розен). Обычно они несут на себе черты стиля "модерн", перегружены банальными эмблемами типа раскрытой книги, восходящего солнца, Меркурия, сфинкса, профиля Наполеона, глобуса и т. п. По нашим сегодняшним меркам вряд ли можно отнести их к вершинам книжной графики.

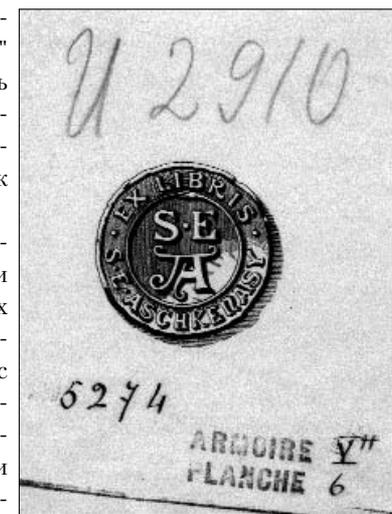
Среди подобных — ярлык А. Енни с совой на фоне книжных полок. Он принадлежал жителю Одессы, "швейцарскому гражданину" Александру Фридриховичу Енни, владельцу известнейшего на Юге пивоваренного завода "Енни Ф. и К^о" на Бугаевской улице. С легкой руки У. Иваска (1905), который неправильно прочитал на ярлыке фамилию владельца латинскими буквами "Jeppu" как "Женни" вместо Енни, эта пресловутая "Женни" укоренилась во всей литературе по книжным знакам вплоть до наших дней.

К той же эпохе относится появление на книжных знаках всяких сентенций, иначе чем с юмором не воспринимаемых: "Книга мой друг — не

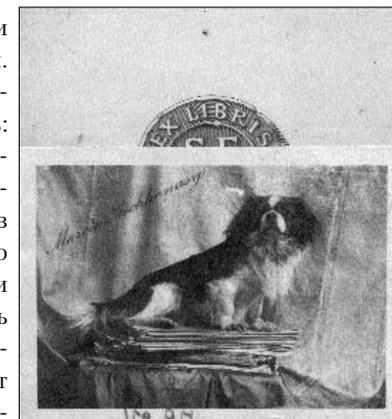
отнимай у меня моего друга" (на ярлыке В. Бельского), "Знание — сила" (на ярлыке С. Исаковича), "Изъ книгъ А.Д. Сиротинскаго. Нахождение этой книги не у А.Д. Сиротинскаго есть книга украденная" (оттиск печати).

Иные из собственников библиотек подражали, преднамеренно или случайно, друг другу в рисунках книжных знаков: ярлыки К. Андреевского, З. Ашкенази и М. Дынина с изображением сургучной печати отличаются лишь фамилиями. Возможно, все трое, не зная о существовании друг друга, заказали их в одной типографии по образцу, предложенному хозяином заведения. Весьма близки между собой ярлыки Воронцовых и Н. Тройницкого с фамильными гербами, естественно разными.

Обычно "художественными" бывали книжные ярлыки, а печати имели только лаконичные надписи. Присяжный поверенный К. Березовский проявил оригинальность: заказал большую, вероятно каучуковую, печать со сложным изображением сидящей девушки (музы?) в стиле "модерн", то ли читающей, то ли пишущей. Оттиски этой печати на книгах, а книг у него было очень много, выполнялись чернилами всевозможных цветов и оттенков, от розового до черного. В годы гражданской войны К. Березовский репатрировался в Польшу, а огромное его собрание разошлось по городу. Впоследствии многие оттиски этой печати, самых разных цветов, были вырезаны из титульных листов

Ярлык купца первой гильдии, владельца
банкирского дома З.Е. Ашкенази
(1873-после 1919, эмигрировал)
перекрыт детским ярлыком Марсии
Ашкенази, дочери или внучки(?)
библиофила. Библиотека насчитывала
свыше 10 тысяч названий.

книг и распространялись среди коллекционеров как, якобы, самостоятельные экслибрисы, так и попали в литературу. Один из них, малинового цвета, был впервые опубликован Сильванским (1927): оттиск печати ошибочно назван "книжным ярлыком", отпечатанным цинкографией. Эту же ошибку повторяли все следующие авторы. Был у К. Березовского и ярлык — маленький, невзрачный, только с фамилией. Он встречается очень редко на отдельных листах-эстампах (в основном, с тематикой из польской истории).

Незадолго до революции к работе над книжными знаками подключились молодые одесские художники: П. Шварц (для Н. Вусковича; а также для себя и своей жены — остались не реализованными), С. Олесевич (для Е. Вальтух). К числу самых удачных с точки зрения графики можно причислить, на наш взгляд, ярлык Филиппа Гозиасона для собственной библиотеки. Его приходилось неоднократно встречать на изданиях того времени по искусству (журнал "Аполлон", кнебелевская монография о Врубеле). В 1919-м Ф. Гозиасон (1898-1978) уехал на Запад, со временем стал достаточно известным парижским живописцем. В одном из писем в Одессу, незадолго до смерти, он рассказывал: "Книги мои я продал букинисту Бакалу (на быв. Гаванной улице)"²⁸.

Во всем мире наблюдается в то время процесс отрыва книжного знака от книги, превращение его лишь в предмет коллекционирования, что не миновало и Одессу. Так, два ярлыка художника М. Нечитайло-Андрееенко (Андрееенко-Нечитайло, 1894-1982), созданных в 1918-1919 годах в Одессе для Ф. Воробейчик и Х. Дувартжоглу, никогда не пришлось увидеть наклеенными на книгах. Они хорошо известны в собраниях столичных экслибрисистов, изданы Сильванским (1927). Очевидно, весь тираж их был сразу же вывезен из Одессы, так как одесские коллекционеры получали их позднее путем обмена из Москвы. На обратной стороне ярлыков нет следов клея. Такие, якобы, книжные знаки остаются за пределами интересов книговедения.

Ярлык художника Ф.Г. Гозиасона (1898-1978).

Незадолго до революции к работе над книжными знаками подключились молодые одесские художники: П. Шварц (для Н. Вусковича; а также для себя и своей жены — остались не реализованными), С. Олесевич (для Е. Вальтух). К числу самых удачных с точки зрения графики можно причислить, на наш взгляд, ярлык Филиппа Гозиасона для собственной библиотеки. Его приходилось неоднократно встречать на изданиях того времени по искусству (журнал "Аполлон", кнебелевская монография о Врубеле). В 1919-м Ф. Гозиасон (1898-1978) уехал на Запад, со временем стал достаточно известным парижским живописцем. В одном из писем в Одессу, незадолго до смерти, он рассказывал: "Книги мои я продал букинисту Бакалу (на быв. Гаванной улице)"²⁸.

Во всем мире наблюдается в то время процесс отрыва книжного знака от книги, превращение его лишь в предмет коллекционирования, что не миновало и Одессу. Так, два ярлыка художника М. Нечитайло-Андрееенко (Андрееенко-Нечитайло, 1894-1982), созданных в 1918-1919 годах в Одессе для Ф. Воробейчик и Х. Дувартжоглу, никогда не пришлось увидеть наклеенными на книгах. Они хорошо известны в собраниях столичных экслибрисистов, изданы Сильванским (1927). Очевидно, весь тираж их был сразу же вывезен из Одессы, так как одесские коллекционеры получали их позднее путем обмена из Москвы. На обратной стороне ярлыков нет следов клея. Такие, якобы, книжные знаки остаются за пределами интересов книговедения.

Казалось бы, оптимальная ситуация, когда библиофильское собрание имеет единственный книжный знак как свою эмблему. Но так бывало далеко не всегда. Чаще случалось, что владелец поначалу обзаводился печатью, позднее заказывал ярлык. При большом числе книг печать могла износиться, возникала необходимость в новой. По мере роста библиотеки тираж отпечатанных ярлыков заканчивался, приходилось печатать повторно. В результате многие книжные знаки существуют в нескольких вариантах. Все ярлыки огромной библиотеки З. Ашкенази отпечатаны с одного клише, но по оттенкам краски можно проследить не менее пяти разных тиражей. По вариантам печатей и ярлыков З. Ашкенази в сочетании с проставленными рядом инвентарными номерами прослеживается постепенный рост собрания до 10 тысяч названий (все тома какого-либо собрания сочинений шли под одним шифром).

Ярлык Самойлы Исаковича Исаковича (1859-1910) известен не менее чем в четырех вариантах: текст надписи сохранялся идентичным, менялись шрифты набора и размеры. На последнем из вариантов проставлены типографские выходные данные: 1907 г., тираж 1000 экз. После смерти владельца его сын, Александр Самойлович, продолжал пополнять семейную библиотеку. Он заказал в 1913 году очередной ярлык, таким же тиражом 1000 экземпляров, сохранив форму и текст отцовского, заменив лишь имя владельца. Судя по инвентарным номерам, собрание выросло до 2,5 тысяч названий. Три модификации ярлыков с одним текстом имел доктор В. Бельский. Рекорд по числу вариантов побил книжный ярлык И. Вульфа, о котором уже шла речь: свыше 30, на все буквы русского алфавита.

Иногда же наличие вариантов среди книжных знаков — результат снобизма их владельцев. Так, Н. Крiona Папа Никола заказал от-

Ярлык семейной библиотеки потомственного почетного гражданина, владельца "гидропатического заведения" (бани) С.И. Исаковича (1859-1910) и его сына, профессора-биолога А.С. Исаковича (1883-1938).

тиски своих ярлыков с одного клише на пяти бумагах разных цветов, от розового до синего, и расклеил их вперемежку на 46 томах французского биографического словаря. Около десяти вариантов по цвету бумаги и по размерам, при одном исходном рисунке, насчитывают ярлыки О. Пергамента; три цвета бумаги — у Л. Чижикова.

Лишь несколько библиофилов старой Одессы позволили себе заказать по два ярлыка с разными рисунками: М.Д. Толстой, И. Дариев, О. Пергамент, А. Розен, Ф. Феохариди (не известно ни одного случая, чтобы кто-то имел более двух). Как это контрастирует с современной практикой, когда собиратели печатают их себе десятками и сотнями, работы знаменитых и незнаменитых художников. Один из одесских экслибрисистов имел в своем распоряжении около пятисот (500!) разных собственных ярлыков, язык не поворачивается назвать их книжными знаками. Правда, до мирового рекорда это еще далеко, книга Гиннеса называет цифру в три тысячи²⁹. Из книжного знака экслибрисы превратились в визитные карточки.

* * *

Особая тема — миграция целых библиотек. Достоверно известно о двух крупных книжных собраниях, созданных в Одессе и затем вывезенных за ее пределы. Книжные знаки позволили хоть частично проследить дальнейшую судьбу книг.

На протяжении второй половины XIX столетия комплектовалось богатейшее библиофильское собрание Ивана Ираклиевича Куриса (1840-1898). Помимо книг здесь были рукописи (в их числе и Пушкина), гравированные портреты, картины отечественных и западных мастеров, античная нумизматика, предметы из археологических находок. Особенно славились редчайшие книги и рукописи. Жил И. Курис попеременно то в Одессе, то в собственном имении Курисово-Покровское (ныне село Петровка) в 67 км от города. Известно, что нумизматическая коллекция продавалась в Париже еще при жизни владельца, аукцион гравюр прошел в 1889 году в Берлине. Автографы, документы, письма знаменитых особ оставались у вдовы, частично публиковались одесскими исследователями, а в середине 1920-х годов ими торговали в Одессе спекулянты. Стараниями будущего академика М.П. Алексева часть из них попала в петербургский Пушкинский Дом, где был создан отдельный фонд Куриса, небольшая толика хранится в отделе рукописей ОГНБ. Библиотека и картины были

вывезены сыном покойного собирателя, полковником одного из гвардейских полков, в его особняк в Царском Селе под Петербургом. После революции новые власти все национализировали и распродали. Ленинградские исследователи не раз описывали роскошные фолианты с суперэкслибрисами И. Куриса. В Одессе же осталось в ОГНБ всего три книжки из этой славноизвестной коллекции.

Ярлык книжного магазина с "библиотекой для чтения" Г.И. Белого (открыт в 1853, до 1871).

Другая библиотека — общественного деятеля Осипа (Иосифа) Яковлевича Пергамента (1868-1909). Жил он в Одессе, в 1907 году был избран членом второй, затем третьей Государственной думы, переехал в Петербург, там и умер скоропостижно. У. Иваск писал (1912): "Оставшаяся после него библиотека была распродана в 1910 г. Она находилась в Одессе и состояла из 9985 томов по истории, философии, юриспруденции, французской литературе, римских и греческих классиков и т. п."³⁰. По тексту можно подумать, что распродалась в Одессе. Но здесь до сих пор не обнаружилось ни одной книги Пергамента, тогда как в коллекциях экслибрисистов Москвы и Петербурга имеются многочисленные варианты его ярлыков, и одесские коллекционеры получали их оттуда же путем обмена. Более достоверной представляется другая информация, 1934 года: "Библиотека Пергамента. По общественным и юридическим дисциплинам, по искусству, архитектуре и смежным дисциплинам. Поступила в Ленинградский государственный книжный фонд"³¹.

Бывали и обратные случаи, когда иногородние собрания пополняли одесские книжные накопления. Так, в Одессу привезли из Петербурга библиотеку историка, генерал-лейтенанта, директора столичной публичной библиотеки, Н.К. Шильдера (1842-1902): "Н.К. Шильдер был страстным библиофилом и собрал весьма интересную коллекцию книг и редких рукописей. Его <...> собрание было приобретено за 15000 руб. Императорской Публичной библиотекой. Большая часть рукописей была оставлена в фондах <...>, а книжная часть <...> в конце февраля 1902 г. принята представителем библиотеки Новороссийского (Одесского) университета <...> передано 5597 томов, 1734 брошюры, 88 папок с вырезками"³². Собрание хранится в Научной библиотеке Одесского университета от-

дельным именованным фондом, книги снабжены двумя ярлыками: один — безымянный с гербом Шильдера; другой, с типографской надписью "Шильдеръ" и вписанным шифром, наклеен на корешках.

Думается, вполне правомочно включить книжные знаки таких иногородних библиотек, обогативших книжные запасы города, в число "одесских" и изучать их с той же тщательностью. Приведем еще несколько подобных примеров.

В конце XIX столетия тому же Новороссийскому университету была передана значительная часть другой знаменитой петербургской библиотеки, бывшего министра народного просвещения А.В. Головнина (1821-1886)³³. Книги растворились в общем массиве и отличимы ныне только по двум ярлыкам: один — с гербом и фамилией владельца, другой — только с фамилией. Некоторое число книг с ярлыками Головнина появлялось до недавнего времени и на букинистическом рынке Одессы, а сами ярлыки, уже без книг, наличествуют в коллекциях местных экслибрисистов.

В одесских библиотеках находится много книг с известным, раскрашенным от руки, ярлыком М.Ф. Бурмейстера (1827-1871), директора Канцелярии государственного контроля. Они обнаружены и в ОГНБ (несколько десятков), и в университетской библиотеке, и в других собраниях, и на руках экслибрисистов. Очевидно, какая-то немалая часть собрания М. Бурмейстера попала из Петербурга в Одессу. Когда и при каких обстоятельствах — пока неизвестно.

И последний случай, из недавнего прошлого. В 1971 году в местный букинистический магазин принесли чемодан книг, преимущественно французских романов, парижских изданий 1930-х годов. На всех томах был наклеен большой эффектный гравированный на стали ярлык судовых библиотек пароходов "Hamburg — Amerika Linie" (Гамбург — Американской линии). Оказалось, эти книги были списаны из судовой библиотеки пассажирского теплохода "Победа" Черноморского пароходства. Судно, бывшее немецкое, под названием "Magdalena", курсировало на этой трансатлантической линии до второй мировой войны, а затем досталось нам как военный трофей. Коллекционеры экслибрисов радостно покупали ненужные французские романы по рублю за томик и снимали с них книжные знаки.

* * *

Классические исследователи отечественного книжного знака (Верещагин, Иваск, Адарюков и др.) основное внимание уделяли частным со-

бирателям книг, однообразные печати и ярлыки общественных библиотек гораздо реже попадали в сферу их интереса. К настоящему времени удалось выявить множество таких знаков, до сих пор не изданных, заново освещающих историю библиотечного дела старой Одессы. Оказывается, существовали книжные собрания научных, просветительских, благотворительных обществ (Стурдзовской общины сердобольных сестер, Педагогического музея, Общества истории и древностей), гимназий, училищ (реального, епархиального, коммерческих, народных), других учебных заведений (кадетского корпуса, института благородных девиц), национальных обществ (английского, немецкого, французского), торговых фирм, даже табачной фабрики и стрелкового полка. Всех не перечислить...

Некоторые городские общественные библиотеки наклеивали на принадлежавшие им книги тиражированные типографским способом правила пользования, условия абонемента и т. п. Зачастую они бывали в размер книжной страницы. Это тоже своего рода книжные знаки, заслуживающие пристального изучения. Они несут информацию о названии, назначении, адресе библиотеки, дают сведения о номенклатуре книг и журналов, стоимости абонемента. Вот некоторые из них: "Извлечение из правил для библиотеки Общества взаимного вспомоществования приказчиков-евреев г. Одессы <...>", "Библиотека Одесского земства. Выпись из инструкции <...>". Иногда такие наклейки безымянные, но принадлежность их конкретной библиотеке определяется оттиском печати на титульном листе. Так, ярлык "Берегите книгу <...>" относится к Одесской общественной библиотеке на Тираспольской ул., 35.

При многих книжных магазинах функционировали "кабинеты для чтения", известные благодаря их ярлыкам. Кроме того, в городе было несколько достаточно крупных частных коммерческих библиотек, выдававших книги на дом. Самые популярные из них — В.В. Тарчинской (на Елисаветинской, 19) и Андрея Бортневского, основанная еще в 1867 году. От нее сохранилось не менее десяти различных ярлыков, и на каждом — другой адрес: по мере роста библиотека кочевала с Соборной площади на Гаванную улицу, с Екатерининской — на Дерibasовскую.

Один из многочисленных ярлыков частной коммерческой библиотеки А.И. Бортневского (работала с 1867 по 1919).

Гражданская война привела в движение и людей, и книги. Почти все известные нам по книжным знакам частные и общественные библиотеки прекратили существование. Учреждения ликвидировали, учебные заведения реорганизовывали; библиофилы эмигрировали, переселялись, уплотнялись, распродалась...

Ярлык городского головы Б.А. Пеликана в 1913-1917 гг., арестованного после Февральской революции.

Иные из книжных собраний пополнили фонды уцелевших главных библиотек города — ОГНБ и университетской. Большие массивы книг из дома З. Ашкенази попали в 1919 году в ОГНБ, художественное училище, университет, частично выплеснулись на букинистический рынок. Квартира бывшего городского головы Б.А. Пеликана (книги с "говорящим" ярлыком с изображением птицы пеликана) была разграблена толпой черни, а книги, по свидетельству соседей, выбрасывали из окон. К.Г. Березовский распродал свою огромную коллекцию в 1919 году перед репатриацией в Польшу.

Другой поляк, профессор Новороссийского, позднее Варшавского университета, Б.Б. Гринецкий (1875 — после 1948) оставил свои книги ботаническому саду. Коллекции начальника юридической части РОПИТа (Русского общества пароходства и торговли) Н.Н. Вусковича (1874-1942) были проданы в конце 1920-х в связи с репрессивным выселением его из Одессы. Наследие библиофила и библиографа Л.А. Чижикова сдано букинистам после его смерти. Следы всех этих и многих других библиотек сохранили только их книжные знаки.

С уверенностью можно назвать лишь два значительных дореволюционных частных собрания, продолжавших существовать в целости в последующие годы: доцента университета караима А.С. Исаковича (1883-1938) и библиофила-грека Ф.Г. Феохариди (1889-1938). Книги обоих были проданы после ареста и гибели их владельцев в годы "большого террора".

Остается до конца не выясненной судьба библиотеки, преимущественно театральной, архитектора (?) С. Фельджера. Он начал собирать книги еще до революции, заказал ярлык в типографии "Новак и Побуда" (функционировавшей с 1906 года³⁴), в начале 1950-х ликвидировал остатки библиотеки. Книги с его ярлыком изредка попадались в букинистическом магазине.

Общественные библиотеки, ставшие государственными, множество раз реорганизовывались, меняли названия, объединялись, разъединялись, равно как и книжные собрания учебных заведений, музеев и прочих учреждений. Каждые несколько лет заказывались все новые и новые печати, на русском и украинском языках, появились дополнительные штампы типа "переинвентаризация", "уступлено з дублетів" и прочие. Титульные листы и страницы книг пестрят десятками таких оттисков, и очень трудно разобраться в их последовательности.

Новое поколение "книжников" 1930-х годов (такой термин пришел тогда на смену понятия "библиофил") обзаводилось книжными знаками редко, не та была обстановка. Сохранилось лишь пять-шесть ярлыков того времени, ни один не опубликован. Внешний вид их более чем скромный, точнее сказать — нищенский. Профессор-искусствовед Н.А. Соколов (1886-1952), позднее репрессированный, печатал собственноручно свои книжные ярлыки на пишущей машинке. Неизвестный нам И. Цейтлин, может быть — школьник, сфабриковал самодельный ярлык на листке линованной бумаги из тетрадки, с примитивным оттиском рисунка книги и надписью "Домашняя библиотека И. Цейтлина Одесса № 30" (известен в единственном экземпляре). Старый большевик Сергей Романович Шоргин ставил на свои книги оттиск печати с надписью "Домашняя библиотека <...>" и полным именем, отчеством и фамилией, а в 1936 году заказал в типографии ярлык на газетной бумаге тиражом 3000 экземпляров. На наивном перегруженном рисунке присутствуют книги, колосья, свеча, тюремная решетка, пила с топором, пахарь за лошадью... Куда делся библиофил, неизвестно, а две неплохих книги из его собрания прошли в 1970-х годах через одесский букинистический магазин.

Во второй половине 1920-х годов некоторый вклад в искусство книжного знака внес одесский "Політехнікум образотворчих мистецтв", как тогда называлось художественное училище, получившее статус высшего. Известный художник профессор М.И. Жук (1883-1964) создал в технике автолитографии восемь интересных с точки зрения книжной графики экслибрисов: семь вариантов для себя, один для ректора С.И. Ткаченко. К

сожалению, они были отпечатаны малым тиражом, не реализованы по прямому назначению и не стали книжными знаками, остались для выставок и коллекций. Студенты также занимались рисованием экслибрисов, один другому, возможно — это входило в учебную программу. В 1929 году "Політехнікум" издал книгу под названием "Книжковий знак"³⁵, где были репродуцированы 33 студенческих работы. Ни одна из них не была воплощена в жизнь, а из студентов-участников только один Роберт Граббе (1904 — после 1991) стал со временем профессиональным мастером книжного знака (жил в Москве, затем в Караганде).

* * *

Благодаря книжным знакам удалось исследовать, с разной степенью полноты, судьбы многих домашних библиотек жителей старой Одессы. Родовых аристократических книгохранилищ было среди них лишь несколько, а преобладали камерные собрания обычных читателей, "книголюбов", по современной терминологии. Они создавали для себя и семьи общеобразовательные библиотеки покупкой текущих изданий: сочинений классиков, беллетристики, словарей, детских книжек, журналов. Правда, иные из тогдашних рядовых приобретений кажутся нам сегодня недостижимыми раритетами. Рядом существовали рабочие библиотеки ученых, профессоров лицея и университета, преподавателей гимназий, врачей, юристов, с книгами по специальности, будь то археология или изящная словесность, математика или ботаника, медицина или юриспруденция.

Прослеживается любопытная закономерность. Деда — малограмотные мещане или крестьяне, а то беглецы из Греции или Австрийской империи, робко приобщались в Одессе к мелкой торговле или ремеслу. Следующее поколение выросло в крупное купечество вплоть до первой гильдии (экспорт зерна, мукомольное дело, изготовление канатов, строительство домов), приобретало звание "потомственных почетных граждан". Внуки получали высшее образование, становились капиталистами европейского масштаба, занимались благотворительностью, собирали домашние библиотеки, обзаводились книжными знаками (вспомним Ашке-нази, Вейнштейна, Исаковича, Маразли, Новикова...). Большинство так называемых "художественных экслибрисов" заказывалось самым молодым поколением этих купеческих родов.

Было в Одессе и некоторое количество истинно библиофильских со-

браний, с инкунабулами и рукописями, с книгами XVII и XVIII столетий, с русскими иллюстрированными изданиями начала XIX ст. или с французскими изысканными малотиражными увражами конца века, с тщательно подобранными коллекциями театральных пьес, эстампов, автографов, с трудами по библиографии и книговедению.

Революции и войны, тоталитаризм и невежество нанесли культурным богатствам города непоправимый ущерб, несметное число книг было просто уничтожено, не говоря уже о разграбленных. Но несколько центральных книгохранилищ уцелело, хоть и с заметными утратами, возникло множество новых общественных и ведомственных библиотек, а рядом незаметно трудится молодое поколение книголюбов и библиофилов.

Примечания

¹ Верещагин В.А. Русский книжный знак. — СПб, 1902. — Книга существует в двух вариантах: русском и французском.

В тексте русского варианта бегло упомянуты книжные знаки В.Н. Бельского и С.И. Исаковича (с. 42) без ссылки на их одесское происхождение. На рис. 49 обоих вариантов помещена репродукция с подписью: "Книжный знак И. Бларамберга. Ex-libris de J. Blarambert [так в оригинале] (XVIII s.)". Принадлежность этого ярлыка известному одесскому археологу И.П. Бларамбергу (1772-1831) автором никак не аргументирована; в греческих надписях на рисунке упоминаются Аполлон Простат и Ольвиополиты, но фамилия Бларамберга отсутствует. В последующих публикациях (Иваска, Адариюкова, Розенбладта) также не приведено никаких документальных подтверждений, лишь ссылки на Верещагина. При этом во всех публикациях воспроизведен или описан один и тот же экземпляр, оформленный в фигурную рамочку "с вырезанными углами". Датировка "XVIII ст." безусловно ошибочна: Бларамберг прибыл в Россию в 1797, в Одессе поселился в 1808, после чего и увлекся ольвийской археологией. По литературным данным середины XIX ст. библиотека Бларамберга после его смерти была приобретена в Одесскую городскую публичную библиотеку, но книг с этим знаком в фондах ОГНБ не обнаружено. Лишь на одном экземпляре сочинения самого Бларамберга о монетах Ольвии (Paris, 1822) такая наклейка присутствует на переплете книги как виньетка. Вопрос, является ли эта виньетка книжным знаком Бларамберга, остается открытым.

² Иваск У. Описание русских книжных знаков. — Вып. 1. — М., 1905.

³ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. — Вып. 2. — М., 1910.

⁴ Иваск У.Г. Описание русских книжных знаков. — Вып. 3. — М., 1918.

⁵ Иваск У.Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя // Русский библиофил. — СПб, 1911. — №№ 3, 4, 6, 7, 8; Иваск У.Г. Частные библиотеки в России. — Ч. 2. — СПб, 1912 [отдельная брошюра, приложение к журн. "Русский библиофил"]. — Обращает на себя внимание, что автор описывает петербургскую наследственную библиотеку графа А.Г. Строгонова (1795-1891), но ничего не знает об огромной его же одесской библиотеке (с геральдическим ярлыком), поступившей в 1896 в Новороссийский университет в Одессе и хранящейся там по сей день отдельным именовым фондом.

⁶ Каталог книжных знаков (Ex-Libris) / Выставка Института худож.-научн. экспертизы. — П., 1919.

⁷ Книжные знаки русских художников / Под ред. Д.И. Митрохина, П.И. Нерадовского и А.К. Соколовского. — П., 1922.

⁸ Адарюков В.Я. Русский книжный знак. — М., 1921; Адарюков В.Я. Русский книжный знак. — 2-е доп. и испр. изд. — М., 1922; Адарюков В.Я. Редкие русские книжные знаки. — М., 1923.

⁹ Труды Ленинградского общества экслибрисистов. — Вып. I-XIII. — Л., 1924-1931.

¹⁰ Сильванский С.А. Провинциальные книжные знаки. — Херсон, 1927.

¹¹ Розенблатт Е.А. Русский книжный знак: Библиотеки частных лиц: Художественные книжные знаки. — "3-е машинописное издание". — Л., 1968; Розенблатт Е.А. Русский книжный знак: Библиотеки частных лиц: Геральдические книжные знаки. — "2-е машинописное издание". — Л., 1964. — Каталог частного собрания книжных знаков ленинградского коллекционера и исследователя Е.А. Розенблатта (1890-1958), составленный в 1950-1956, не был издан. После смерти автора его ленинградские коллеги размножили рукопись небольшим тиражом, несколькими "машинописными изданиями". Упомянутые две части имеются в Одессе (собр. С. Лущика), раздел "Шрифтовые книжные знаки" остался нам недоступен.

¹² Иваск У.Г. Список собирателей книжных знаков (Ex-libris'ов) // Известия книжных магазинов Т-ва М.О. Вольф. — СПб, 1903. — № 1. — С. 15.

¹³ Письмо П.Д. Эттингера к А.Н. Тюнеевой. Москва, 21 сент. 1929. Собр. С. Лущика.

¹⁴ Машинопись. Собр. С.Г. Матвеевой.

¹⁵ Выставка книжного знака из собраний одесских коллекционеров. — Одесса, 1969; II выставка книжного знака, посвященная 175-летию со дня основания г. Одессы. — Одесса, 1969.

¹⁶ Лущик С. Одесский экслибрис // Комсомольська іскра. — Одеса, 1969. — 20 верес. — С. 3, ил.

¹⁷ Ex-libris: Encyclopaedia bio-bibliographical of the art of the contemporary ex-libris. — Т. 1-15 / Publ. by Artur Mario da Mota Miranda. — Braga Codex (Portugal), 1985-1994. — Тираж 500 экз. Фонд ОГНБ, из собр. Б.Я. Левых.

¹⁸ Левых Б. Старинный одесский экслибрис // Моряк. — Одесса, 1988. — 7 янв. — № 3. — С. 12, ил;

Левых Б. Старинный одесский экслибрис // Вестник региона. — Одесса, 1995. — 19 авг. — С. 7, ил.

¹⁹ Бондаренко П., Фельдман В. Библиотека Воронцовых в Одесском университете // Альманах библиофила. — Вып. 10. — М., 1981. — С. 98-109.

²⁰ Лущик С.З. Одесский библиофил Ф.Г. Феохариди // Книга: Исследования и материалы. — Сб. 62. — М., 1991. — С. 228-233, ил.

²¹ Арюпіна Л.В. Олександра Миколаївна Тюнеева // Бібліотечний вісник. — Київ, 1993. — № 1-2. — С. 64-66.

²² Барковская О.М., Лущик С.З. Книжные знаки библиотеки Г.Г. Маразли // Григорий Григорьевич Маразли: Меценат и коллекционер: Сборник статей. — Одесса, 1995. — С. 145-179, ил.

²³ Лущик С.З. Игнатий Владиславович Вульф и его коллекции // Роль музеев в развитии исторического краеведения в городе Одессе и крае: Тезисы докладов научно-теоретической конференции, посвященной 40-летию Одесского историко-краеведческого музея. — Одесса, 1996. — С. 29-30.

²⁴ Книги з автографами у фондах Одеської державної наукової бібліотеки імені М. Горького: Збірка М.Ф. Комарова: Каталог / Упорядники Л.В. Арюпіна, Г.Д. Зленко. — Одеса, 1996. — 44 с.

²⁵ Лущик С. Неизвестный П.С. Коновский // Всемирные одесские новости. — 1997. — № 1. — С. 10, ил.

²⁶ Фабрика Л.В. Семейная библиотека графов Толстых в Одессе // Записки отдела редких изданий и рукописей ОГНБ им. М. Горького. — Вып. 1. М.М. Толстой — меценат и библиофил: Материалы конференции, ноябрь 1997. — Одесса, 1999. — С. 62-76, ил.

²⁷ Лущик С. Из книг Н.Н. Вусковича // Дерibasовская — Ришельевская: Одесский альманах. — № 3. — Одесса, 2000. — С. 199-204, ил.

²⁸ Письмо Ф.Г. Гоziасона к Е.М. Голубовскому. Париж, 19 марта 1977.

²⁹ Голубовский Е. Автор энциклопедии // Вечерняя Одесса. — 1990. — 13 янв. — С. 4, ил.

³⁰ Иваск У. Частные библиотеки в России. — Ч. 2. — СПб, 1912. — С. 24.

³¹ Друганов И.А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху // Советская библиография: Сборник. — № 3-4. — М., 1934. — С. 135.

³² Русская нелегальная и запрещенная литература XIX века в фондах Научной библиотеки ОГУ: Аннотированный указатель / Сост. О.Ю. Ноткина и Т.Я. Логвинова. — Одесса, 1976. — С. 10.

³³ Иваск У. Частные библиотеки в России // Русский библиофил. — СПб, 1911. — № 6. — С. 79; № 8. — С. 73.

³⁴ Е. Розенблатт (1950-е) ошибочно приписал монограмму одесской типолитографии "Новак и Побуда" на книжном знаке С. Фельджера петербургскому художнику Н.В. Зарецкому.

³⁵ Книжковий знак: Роботи студентів поліграфічної майстерні / Одеський політехнікум образотворчих мистецтв. — Одеса, 1929. — Тираж 300 прим.

